

конечно же, любители японской анимации могут быть вполне нормальными людьми, просто у Нельки эта любовь зашкаливает по всем параметрам. К месту и не к месту она вспоминает героев любимых мультиков и часто издает странные звуки типа «ня!», «сугой» или «кавай». Первое время я думала, что сестричка говорит «на» и «ковать», и не понимала, что это — японские словечки, произносимые ею на русский манер. А однажды поддалась на уговоры сестренки и посмотрела вместе с ней на этих ее нарисованных парней-милашек. Стало немного неловко и страшно. За Нельку — ну почему ей непонятно какие, слащавенькие, парни нравятся?

От пяти до семи тараканов. Средняя степень разжижения мозга. К этой категории относится мой старший брат, который целыми днями сидит у собственного компьютера. У Эдгара красные глаза, плохая осанка и самая настоящая интернет-зависимость. Словно загнипнотизированный, он зависает сутками перед монитором и лихорадочно щелкает по клавишам. Иногда он пишет какие-то странные программы, что-то где-то модерирует, но чаще всего просто-напросто играет в онлайн-игры. У него куча виртуальных друзей по всей России и за рубежом, даже в таком богом забытом месте, как Уганда. Зато в реальной жизни — только один. Такой же задохлик и раб мировой сети по совместительству.

От восьми до десяти тараканов. Среднеповышенная степень разжижения мозга. Мой собственный, единственный и неповторимый папочка имеет честь представлять эту категорию людей. Он — художник-постмодернист. Рисует необыкновенную и просто-таки удивительную гадость. Его среднестатистическая картина выглядит так, как будто ее малевал пятилетний ребенок, которому вручили кисти с красками и попросили перерисовать Мону Лизу по памяти. Кроме того, свои ужасные картины папа развешивает по всему дому, и порой мне даже страшно приглашать людей в гости. Вдруг их напугает очередной черно-красно-сине-зеленый шедевр? Кстати говоря, мой родитель очень сильно обижается, когда его работы не понимают и критикуют, зато без ума от комплиментов. Но, надо сказать, и на картины Томаса Радова находят поклонники, а большинство из них с успехом продаются в галереях.

От одиннадцати до тринадцати тараканов. Сильная степень разжижения мозга. Такое состояние мозга у младшего брата моего папы, который не разрешает называть себя дядей, и я вынуждена величать его просто Лешей. Он относительно молод — ему двадцать восемь лет, самонадеян и самовлюблен. По моей версии, Алексей — второе воплощение античного Нарцисса. Этот человек без ума от себя, любимого, и делает все возможное, чтобы сохранить свою «неземную красоту» навсегда. Он гордо называет себя метросексуалом и имеет целую коллекцию одежды и обуви. По крайней мере, вещей у него намного больше, чем у меня и сестры, вместе взятых. Немудрено, ведь с недавних пор дядя стал дизайнером, а до этого работал моделью. С Томасом они частенько конфликтуют, причем очень забавно. Однажды папа взялся рисовать его портрет, и в результате у обоих произошла утечка мозговых тараканов. У Леши от удивленного на холсте, а у папы от истерических криков брата вроде: «Это уродство на меня совсем не похоже!» и «Почему у меня четыре когтистые лапы и нет головы?».

От четырнадцати до шестнадцати тараканов. Сильнейшая степень разжижения мозга с осложнениями. А вот сюда относится моя лучшая подруга Нина со славной фамилией Журавль. С виду она кажется милой, общительной и симпатичной — нет, даже красивой девушкой. Роскошные светлые волосы до талии, большие голубые глаза с длинными ресницами, обаятельная улыбка, великолепная фигура, острый ум, манеры, отличные оценки в университете, множество поклонников... На первый взгляд она идеальна. Но это только на первый. На самом деле Нинка помешанная. Ненормальная. Чокнутая. Мало кто знает, что ангельская внешность и показная доброжелательность обманчивы. Несмотря на хрупкий вид, моя подруга отличается своевольным, капризным нравом, повышенной наглостью и резкостью. Она никогда не стесняется и не смущается. Манипулирует окружающими. Может очень больно ударить противника. Обхамить сумеет так, что ее слова запомнятся надолго. Журавлик прекрасно играет роль очень хорошей девочки. И все, кто никогда близко с ней не сталкивался, считают ее примером доброты и милосердия. В университете она умная и отличная девчонка, которая поможет с домашним заданием. В глазах моих родственников — пример

для подражания. В театральной студии, где она занималась пару лет, Ниночка — талантливый ангелок во плоти и будущая великая актриса. А уж что думают о ней представители мужского пола!.. Для них она — божественная красотка и умненькая милашка, с которой не стыдно показаться на людях.

В общем, мой пост, который я только что напечатала в блоге, и был как раз про нее, мою дорогую и любимую подругу, превосходно умеющую втравить в неприятности кого бы то ни было. Особенно меня.

А началось все с того, что полгода назад мы всего лишь вместе посмотрели телевизор. Если бы Журавль тогда не щелкала пультом, как дятел клювом по дереву, а спокойно бы дожидалась начала своих любимых ужасиков, то ничего бы, может быть, и не произошло... Впрочем, расскажу все по порядку.

Дело было в Нинкиной квартире, в которую я пришла с ночевкой. Родители подруги уехали в какую-то срочную командировку, вернее, уехал ее всегда занятой папа, а мама как бесплатное приложение отправилась вместе с ним — контролировать. Брат улизнул на день рождения одноклассника, а старшая сестра так обрадовалась отъезду старшего поколения, что убежала в какой-то крутой клуб и обещала вернуться только утром. Ниночке ночевать одной было скучно, и она позвала меня. Вдвоем мы сгоняли в ближайший супермаркет, купили чипсов, шоколада и газировки — всего того, что в принципе есть вредно, — и удобно устроились перед большим плазменным телевизором. Кажется, мы ждали какой-то очередной душераздирающий ужастик. Несмотря на ангельскую и кроткую внешность, Нинка всякие триллеры и ужасы просто безумно обожает. Когда другие боязливо отводят взгляд от особо кровавой сцены или в трепете отворачиваются от самых страшных монстров, моя подруга раздражается истерическим смехом. Даже когда очередную несчастную жертву режут тупым ножом или совершают над ней какие-нибудь другие нехорошие и тошнотворные манипуляции, Нинка спокойно ест и даже глазом не моргает. Только ржет и комментирует.

В тот вечер она ждала то ли «Возвращения мертвецов вуду», то ли «Проклятия кровавого некроманта», то ли нашумевший триллер «Из ада шлют приветы». До начала очередного шедевра оставалось еще минут двадцать-тридцать. От нетерпения Нинка живо обсудала всех

наших знакомых и высмеивала их недостатки. Сплетничать — вообще ее любимое занятие. Иногда она такое про людей скажет, что хоть стой, хоть падай.

— Эта деревенщина из соседней группы, Наташка Сотникова, меня бесит, — вещала Журавль. — Приперлась из дремучего леса, блин, и возомнила себя королевой. Королева, черт возьми! Если только королева Кривых Ног, ха-ха-ха!

— Чем она тебе не угодила? — поинтересовалась я у нее.

Обвинения Нинки, как правило, безосновательны и субъективны до безобразия.

— Она на меня плохо сегодня посмотрела. Наверняка за глаза обсуждает, косоногое рыло. А эта ее подружка?

— Которая? — потянулась я к пакетику с чипсами, но Нина опередила меня, схватив их первой.

— Это с сыром, мои любимые, — заявила она. — Возьми другие, Катька.

То, что я тоже люблю именно чипсы с сыром, подружку не волновало. Впрочем, я к этому привыкла. С такими, как моя Нинка, или не общаются, или привыкают к ним.

— Ну и что там с ее подружкой? — спросила я, открывая чипсы с беконом.

— А, эта носатая крыса носится за мисс Кривые Ноги как полоумная и все вынюхивает, докладывает ей, — выдала Журавль на одном духу.

Видели бы ее сейчас эти самые девушки, ведь обычно с ними подружка мила и приветлива!

— А тебе-то что с того?

— Они вдвоем меня обсуждают, — никогда не страдала от скромности Нинка. — Я это чувствую. Когда этих двоих вижу, у меня уши горят. Верный признак того, что кто-то обо мне говорит.

— Может, они хорошее говорят? — предположила я.

— Ага, конечно. Ты, дорогая, совсем того. С чего Кривой Ноге про меня хорошее говорить? Она же мне завидует. О, а знаешь, кто мне просто мегазавидует?

— Ну и кто?

— Кривой Нос!

— У тебя все кривые.

— Она самая кривая. О, кстати, а помнишь этого... как его... Тропинина, Антона Тропинина? Из нашей группы. Ну, такой, который редко в универ ходит. Похож на лоха, белый, как мышь-альбинос, и в очках? Стремный чувак.

— Естественно, помню, — осторожно ответила я, тут же вспомнив высокого скромного светловолосого паренька со смешной прилизанной прической, в больших несуразных очках, абсолютно ему не идущих, — а что?

— Этот чел подкатил ко мне сегодня, когда ты на семинаре у исторички задержалась. И на свидание позвал. Я чуть не упала. Я с такими кретинами еще не встречалась. Прикинь, стоит, мнетя, шары на меня свои светлые вылупил — ты же знаешь, я люблю больше кареглазых парней — и мямлит: «Ме... бе... пойдём...» — мастерски и несколько утрированно передразнила она несчастного парня.

— А ты что? — заинтересовалась я, не удивляясь, что кто-то в очередной раз решил поближе с ней познакомиться. Нинка выглядит эффектно, поэтому она нравится многим парням и даже мужчинам. То, что ее приглашают на свидания, — дело обыденное. И то, что частенько подруга отфутболивает поклонников, — тоже. А потом рассказывает мне про них смешные гадости.

— Я что? Послала далеко и надолго. На фига мне такой кретин нужен? И вообще ты знаешь мой идеал.

— Знаю.

Всего лишь два слова характеризовали этот идеал. Богатый и красивый. Ни больше ни меньше. У Нины запросы ого-го! Такие же, как и ее самомнение. Хотя, с другой стороны, мужчина в ее глазах может стать идеалом, если он до неприличия богат — количество денег с лихвой перекрывает красоту.

— А еще меня рыжий Мишка с четвертого курса на свидание приглашал. С клювом вместо носа. Жесть, да? Слушай, если я пользуюсь успехом у таких уродов, это не значит ли, что я сама не слишком хорошо выгляжу? — забеспокоилась Журавлик.

— Все у тебя уроды, — вздохнула я.

Если бы Нинку прослушивали инопланетяне-агрессоры, они бы точно не посмели напасть на нашу планету, подумав, что ее населяют жуткие и неприятные существа.

— Но этот Мишка точно страшила!

— У этого Мишки папа — известный бизнесмен, — невзначай сказала я.

Подруга даже чипсами подавилась.

— Насколько известный? — настороженно спросила она.

Как я и говорила, понятие «богатый» иногда пере-
вешивало второе определение ее идеала — «красивый».
Подруга практична — если молодой человек очень обес-
печен, то Журавль старается не портить отношения с та-
ким экземпляром. Хотя и в этом ее правиле есть исклю-
чение, но о нем я расскажу когда-нибудь позже.

— Намного, — неопределенно ответила я ей. — Я это
от девчонок слышала. Они говорили, что Мишка хоть
и не красавчик, зато папа у него крутой.

— Ну и ладно. Все равно не стала бы я с этим олухом
встречаться. У меня тоже фазер богатый.

Это было истинной правдой. Родитель Нины, в недав-
нем прошлом владелец небольшого продуктового мага-
зина, каким-то образом открыл риелторскую фирму, ко-
торая сейчас успешно процветала. А потом занялся еще
каким-то прибыльным бизнесом. Поэтому у подруги
всегда водились деньги, и совсем немаленькие.

— И вообще красивых парней у нас в городе не
осталось. Все какие-то полудефектные, — вынесла
суровый вердикт блондинка, засовывая в рот целую
кучу чипсов.

При мне она не стеснялась есть как попало, руками,
и чавкать при этом, зато при посторонних была богиней
эстетизма и культуры.

— А как же Ренат твой? — вспомнила я импозантно-
го молодого человека, который недавно преподнес Нин-
ке шикарный букет цветов.

Подруга с ним ходила на свидания целых пять или
шесть раз, а это для нее своего рода рекорд. Дело в том,
что если Нинка находит кого-то, кто подходит под опи-
сание ее идеала, то разочаровывается в объекте своей
любви через два-три свидания и ищет новую жертву.

— Вовсе этот придурок не мой, — сквозь зубы про-
изнесла Нина и зачихала в рот целую горсть чипсов. —
Шон шне ше шавится тешер!

— Кто у тебя там шершавится? — не разобрала я.

— Не нравится, говорю, — прожевала она еду, — и не
напоминай мне больше об этом квазимодо.

Я покивала головой. Разонравиться парень ей мог из-
за любой ерунды. Однажды Нинка бросила молодого че-
ловека из-за того, что он не любил уже упомянутые мною
фильмы ужасов, а в другой раз она далеко и надолго по-
слала кавалера потому, что тот опоздал из-за пробки на
семнадцать с половиной минут.

— Да где это чертово кино? — с грохотом стукнула кулаком по стене девушка. — Сколько можно ждать! Кать, дай пульт, я по каналам пощелкаю. А то скучно.

Вот она и дощелкалась. Лучше бы я тогда этим пультом ей в лоб запустила, честное слово, а потом, правда, стала бы счастливым обладателем сломанной руки, но зато не пережила бы всего того, что пришлось мне испытать.

Но тогда я кинула подруге длинный пульт управления телевизором, она ловко поймала его и стала давить на кнопки. Я же молча ела шоколадку.

— Дебильная реклама. И здесь реклама, — комментировала Нина. — Т-а-а-ак, тут мужланы по полю мяч гоняют. Глупая забава! А тут у нас... О боже, смотри, какая девка в фильме страшная! На Ритку похожа из школы! Помнишь ее? Ну и морда! Как таких только в актрисы берут!

— Девушка как девушка, — вгляделась я в лицо, показанное операторами крупным планом.

— Это у тебя вкуса нет и глазомер отсутствует, — не поленилась сказать комплимент подруга и продолжила комментировать программы: — А это кино я видела как-то, мдэ, голливудская тошниловка. Почему главный злодей в каждом таком фильме толкает герою целую речь, пересоленную пафосом, а тот, конечно же, находит способ убить разговорчивого идиота? Вот если бы я была злодеем... — подруга многозначительно замолчала, — фиг бы меня кто убил.

Да, если бы Журавль была злодеем, никто бы не выжил. Она уничтожила бы всех, причем каким-нибудь суперкошмарным способом, а потом еще и лезгинку сплясала на групповой могиле врагов, которую самолично бы и вырыла. В далеком детстве, когда мы играли в бандитов и полицейских всем двором, Нинка всегда становилась на сторону «зла» и бандиты выигрывали с завидным постоянством — она умело ими руководила, как будто бы жила в семье заправских разбойников, как одна из героинь «Снежной королевы».

Подруга продолжала щелкать пультом.

— Тут всегда такую фигню показывают, заснуть можно. Вечным сном. Хе-хе, а тут комментатор на спортивном канале такой тормоз... Пока он рассказывает про одного спортсмена, выступил уже второй и готовится третий. А-а-а, наши биатлонисты! Нет, на такие ужасы даже я не могу смотреть. Ф-у-у-у, безголовая плоскогрудка Ирэн Смит, кто ее вообще выпустил на сцену?

Страх какой, — Нинка притворно перекрестилась. — Катька, видишь? Видишь? В этом фильме про летчиков такой хрен снимается, что смотреть страшно. За что ему «Оскар» дали? Лучше бы им по голове ему настучали. Или вместо оной в шею засунули. О, гляди, реклама духов от «Тассо». Жуткий отстой. Меня чуть не вывернуло, как я их поню... — и она неожиданно замолчала.

Я в это время печатала сообщение на телефоне — сестренка спрашивала, как мы там вдвоем в квартире проживаем, — поэтому не видела, из-за чего словесный поток Нины прекратился. Слышала только звук ритмичной тяжелой музыки — во время очередного переключения Журавль попала на музыкальный канал.

Прошло десять секунд, двадцать, тридцать — подружка молчала.

— Ты чего? — забеспокоилась я и повернулась к Нинке.

Она, полуоткрыв рот, словно зомби, смотрела на широкий экран телевизора. Очередная чипсина из ее пальцев выпала и радостно была слопана всеядным котом семейства Журавлей.

— Катя... — прошептала она, подползая к телевизору на коленях. — Смотри, какой...

Я думала, что она скажет что-то вроде «ужасный» или «страшный», но вместо этого я услышала:

— ...милый... — ее тонкий палец с длинным ногтем, украшенным замысловатым маникюром, указал в телевизор, чуть не проткнув плазменный экран.

— Милый? — повторила я, если не с ужасом, то с удивлением глядя на бешено скачущих парней в странных костюмах из черной кожи с заклепками и шипами и раскрашенных, словно индейцы во время войны с бледнолицыми. Парни дергались под сплетенный в единый звуковой поток шум барабанов, ритм- и бас-гитар и что-то то ли пели, то ли кричали на английском языке. — Милый? Нин, ты чего?

— Я в него влюбилась, — все так же тихо произнесла она.

— В кого? — заботливо поинтересовалась я, пытаюсь разглядеть хоть кого-то милого за страшным макияжем и брутальными масками.

— Вон в того, кто поет.

— В него?! Он-то милый?

Певец в кожаном плаще до пола, расшитом бордовой вязью, и с длинными же черными волосами, разметавши-

мися по плечам, милым мне совсем не показался. Подведенные глаза, алые линзы, по-потустороннему белое лицо, разрисованное диковинными узорами, черные ногти, несколько длинных колец-когтей на пальцах, высокие тяжелые ботинки на толстой подошве и со шнуровкой — во всем этом я ничего прекрасного не находила. Парень громко и надрывно что-то кричал в микрофон, а многотысячная толпа внизу радостно орала и подпевала ему.

— Какой голос... — слабо произнесла Нина, глядя в экран большими умильными глазами.

— Твой фильм уже должен начаться, — напомнила ей заботливо. — Переключим?

— Не смей! — коршуном вцепилась в пульт подруга, не отрывая глаз от выступающих на сцене. — Записывать, записывать! — заорала она вдруг мне с силой. Я аж отшатнулась.

— Чего записывать, Нин?

— Название группы! Как их там? — подбежала к самому экрану девушка и лихорадочно принялась вбивать в телефон название этого превосходного музыкального коллектива.

— Red Lords, — прочитала я маленькую надпись в левом нижнем углу телевизора, после чего клип закончился и началась вездесущая реклама. — Нина, а ты кино будешь смотреть-то?

— Отстань от меня со своим кино! — огрызнулась она. — Я нашла человека своей мечты, а ты все по своему кино убиваешься. Ах! Какой он офигенный! Вот черт, раньше со мной ничего подобного не было!

Об ужастике она благополучно забыла. Полночи мы просидели в Интернете, где подруга искала информацию об этих самых «Красных Лордах» (так переводилось название группы). Каждый раз, когда она что-либо про них находила, дом оглашался ее воплями.

— Я и не знала, что они такие популярные! — с радостью говорила она, скачивая, наверное, уже пятисотую фотографию парней в очередных странных металоготических костюмах. — Какие они красивые... эпатажные. Особенно этот, — ткнула она пальцем в длинноволосого молодого человека в середине фотографии.

Он отрешенно, словно молодой бог Тартара, смотрел вперед и двумя пальцами держал черную розу. Остальные музыканты, его величественная свита из высших демонов, кривили в улыбках-насмешках темные губы. От

розы в руках длинноволосого отлетали лепестки и падали на голый живот валяющейся под ногами парней девушки в белых разорванных старинных одеждах.

— Чем он тебе так приглянулся? — не понимала я, разглядывая музыкантов на других фото.

— Тебе не понять. Ты вообще никого никогда не любила, как я, и не полюбишь, — вздохнула Ниночка.

— Да, я так никого любить не смогу, — преувеличенно согласно отозвалась я, и если бы подруга пребывала не в столь восторженном состоянии, она наверняка бы заметила, как подозрительно быстро я согласилась с ней.

— Я имею в виду — так же страстно, — все же несколько замялась она, заметив вдруг мой печальный, как у пойманной на крючок рыбины, взгляд.

Любые напоминания о любви заставляли частичку меня переживать вновь не самые приятные события, произошедшие в далеком, казалось бы, прошлом.

— И я опять соглашусь с тобой.

— Хм, ну, со мной трудно не согласиться, — отвечала Журавль. — А ты смотри не грусти, детка-конфетка. Забудь обо всем. Жизнь прекрасна и прочие бла-бла-бла... Ой, смотри, смотри, он до пояса раздетый! Какой милашка! Ой, их альбом докачался, теперь слушаем его голос еще раз!

— Я тебя прямо не узнаю, — ничуть не обиделась я на Нинку, которая помешалась на группе «Ред Лордс» буквально за пару часов. И прямо на моих глазах.

— Ой, помолчи. Ой какие же они популярные! Жалко, конечно, что они не из России...

— Они вообще непонятно откуда, — буркнула я. Судя по многочисленным статьям в Интернете, о парнях этой группы точных сведений не было. Вроде бы все они даже были из разных стран — такая вот сборная музыкальная солянка. Фанаты знали лишь их приблизительный возраст и некоторые интересы.

— Сама ты непонятно откуда. На, почитай, не мешай мне, — вытащила Журавль из горы распечатанного текста пару листочков и всучила мне, — а я пока видео с ними посмотрю. С тобой ведь смотреть невозможно, Радова. Всякие глупости говоришь. Ой, он здесь с хвостиком! Ах! Какое бледное элегантное лицо! Вау...

Мне оставалось только покачать головой. И это говорить гламурная дива, без труда разбирающаяся в фирменных шмотках и мировой моде!

